

Д. С. Ермолин

**СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО
И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДОВ КОСОВО
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.***

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу современных стратегий трансформации культурного ландшафта в городах послевоенного Косово. Автор рассматривает его в качестве фрагмента так называемой социально сконструированной реальности (по П. Бергеру и Т. Лукманну). В процессе конструирования культурного ландшафта происходит наделение его особыми смыслами, что, как правило, отражается в стратегиях нациестроительства. Создание пантеона новых героев — один из первых шагов в рамках этих стратегий. Частично признанная Республика Косово, согласно букве закона, является многонациональным государством, однако, как представляется, наблюдаемые стратегии символического нациестроительства глубоко противоречат заявленному стремлению к созданию гражданского общества в государстве, в котором бы уважались права и свободы всех проживающих этнических и конфессиональных сообществ. Итак, моя цель состоит в том, чтобы проанализировать стратегии символического нациестроительства и мемориализации в послевоенном Косово с акцентом на существующее противоречие между гражданской (как заявленной в конституции) и этнической (как де-факто реализуемой) моделями нациестроительства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Балканский полуостров, Косово, Приштина, символическое нациестроительство, мемориализация, городское пространство, культурный ландшафт, этнические сообщества

УДК 394(497)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-188-198

ЕРМОЛИН ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ — к.и.н., ученый секретарь, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: denis.ermolin@gmail.com

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00067).

В 2008 г., 17 февраля, Парламент Республики Косово в одностороннем порядке провозгласил независимость от Сербии. В тот же день состоялось голосование по поводу утверждения новых государственных символов — флага и герба. В качестве официальной символики был избран вариант, являвшийся результатом доработки одного из проектов (авторы М. Шаля и Б. Нули, с доработками М. Ибрагими), поданных на конкурс: синий фон с золотым силуэтом Косово и шестью белыми звездами, которые призваны символизировать народы Косово — албанцев, сербов, горанов, турок, рома, бошняков. Через три дня Закон о государственной символике вступил в силу, и сине-бело-золотое полотнище стало официальным флагом, отражающим полиэтничный характер нового государства (ст. 6 Конституции РК). Фактически этот флаг стал ответом на предложения М. Ахтисаари, в которых он советовал создать государственные символы, которые могли бы отражать полиэтничный характер Косово (Obućina 2011: 35), однако подавляющее большинство косовских сербов не отождествляют себя с государственными символами Косово (Krasniqi 2014: 161). В таких условиях одной из важнейших целей пусть частично, но все же признанной страны является создание эффективно работающей модели гражданского национализма, в рамках которой все этнические сообщества могли бы мирно сосуществовать на одной территории, гарантированно пользуясь правами и свободами и сохраняя при этом свою культурную самобытность.

Выбору флага предшествовал конкурс — любой желающий мог подать свой проект, однако среди условий конкурса, достаточно четко сформулированных европейской конкурсной комиссией, были следующие требования: проект-победитель не должен содержать ни цветовую, ни графическую символику, соотносимую с албанским национальным флагом и национальной албанской идеей в целом, наоборот, флаг всем своим видом должен подчеркивать желание единой нации Косово интегрироваться в Европейские и Евро-Атлантические организации. Таким образом, проекты, выполненные в красно-черной гамме с изображениями двуглавых албанских орлов, изначально не имели шанса на успех¹.

Очевидно, что с самых первых самостоятельных шагов Приштина (не без увещеваний со стороны ООН и ЕС) взяла курс на строительство образа Косово как полиэтничного и светского государства, гарантирующего права и свободу в демонстрации национальной, этнической, культурной, языковой и религиозной идентичностей своими гражданами (ст. 59 Конституции РК), поскольку без этого компромиссного шага со стороны албанцев международные силы, участвовавшие в судьбе Косово, никогда не позволили бы провозгласить независимость (Ingimundarson 2007: 97–98).

После событий 1987 и 1989 гг. (выступления С. Милошевича в г. Косово-Поле и на Газиместане) и особенно после войны в Косово 1998–1999 гг. культурный ландшафт Косово претерпел существенные изменения. Эти изменения во многом связаны с процессом дезинтеграции Югославии и политическими трансформациями в Косово на рубеже XX–XXI вв.

Таким образом, статья посвящена анализу стратегий такого рода преобразований в послевоенном Косово. Я рассматриваю культурный ландшафт в качестве фрагмента так называемой социально сконструированной реальности (по П. Бергеру и Т. Лукманну), которая, как правило, при трансформации наполняется важными для ее создателей смыслами. В некоторых случаях эта символизация является стратегической частью проекта нациестроительства (установка памятников, выбор топонимии и пр.). Это символическое поле, с одной стороны, отражает текущие социальные процессы, а с другой — маркирует *сакральное пространство нации* (Čolović 2011: 60–62), т. е. сетку символических границ и форпостов конкретно взятого сообщества. В этом смысле любой памятник можно рассматривать как актор сакрального пространства, который не только подразумевает присутствие данного сообщества на определенной территории, но и может свидетельствовать о «древности» этого присутствия (и даже автохтонности) нации в границах конкретного пространства (реального или воображаемого). И. Чолович приводит в качестве примера ситуацию

¹ Текст положения о конкурсе и эскизы поданных на конкурс проектов см.: <http://www.crwflags.com/fotw/flags/rs-kosad.html#con>.

с перевозкой останков сербского поэта Йована Дучича из Либертивилля (Иллинойс, США) в его родной город Требинье в Боснии и Герцеговине: могила поэта должна, по мысли инициаторов акции, в очередной раз «освятить» сакральное пространство сербской нации на территории Боснии и Герцеговины.

Учитывая транзитивный и послевоенный характер косовского общества, можно предположить, что в этих условиях семантическое пространство коллективной памяти (прежде всего памятники и мемориалы, кладбища, макро- и микропонимия, музеи, государственные символы и т.д.) становится полем битвы за идентичность — национальную, этническую, религиозную, политическую, историческую и т.д. Кроме того, перед правительством частично признанной Республики Косово как самым молодым государством в Европе возникает ряд идеологических проблем. Одной из основных неопределенностей, с которыми вынуждены сталкиваться политические лидеры Косово, является противоречие между многообещающими ожиданиями евроинтеграции и манящим чувством «албанства» (алб. *shqiptaria*). Однако, в отличие от 1990-х годов, в настоящее время подавляющее большинство косовских албанцев поддерживают проект европейской интеграции и не столь полны энтузиазма в отношении союза с Албанией², как это было в самом начале 1990-х годов. Сосуществование этих двух политических идей, однако, все еще ощутимо на местах: два флага — официальный государственный и национальный (алб. *flamuri i kombit*) — часто используются в тандеме, в то время как даже несколько лет назад использование красно-черного национального флага было подавляющим.

Оставляя флаги в стороне, я хотел бы подробнее остановиться на персонажах и личностях, которым находится место в пантеоне героев в пространстве городов Косово, поскольку герои часто олицетворяют само государство (Krasniqi 2014: 153). По словам Майкла Уолцера, «государство невидимо; оно должно быть персонифицировано до того, как его можно будет увидеть, символизировано до того, как его можно полюбить, представлено до того, как оно может быть задумано» (Walzer 1967; цит. по: Krasniqi 2014: 153).

Моя цель состоит в том, чтобы проанализировать стратегии символического нациестроительства и мемориализации в послевоенном Косово с акцентом на существующее противоречие между гражданской (заявленной в конституции) и этнической (де-факто реализуемой) моделями нациестроительства (Obućina 2011: 30–33). Поскольку эта тема чрезвычайно широка и заслуживает гораздо большего внимания и объема, в статье я подкреплю свои идеи примерами в основном из Приштины, поскольку там, как в столице и крупнейшем городе, наиболее показательным образом обнаруживаются те тенденции, о которых я буду говорить. Кроме этого, для сравнения будут приведены некоторые примеры из городов (или их частей) с преимущественно сербским населением.

Основным методом исследования является контент-анализ визуальной и текстовой информации, представленной в культурном ландшафте. Другими словами, будучи «в поле», я пытался читать фрагмент реальности как текст, наполненный неслучайным месседжем. В статье я анализирую некоторые из тенденций недавних изменений в культурном ландшафте Приштины, подробно останавливаясь на тех, которые имеют явную национально-ориентированную коннотацию. Прежде чем углубляться в детали обсуждения современного культурного ландшафта в Косово, следует вспомнить о том, что создание нового пантеона героев — один из начальных шагов в рамках стратегий любого процесса нациестроительства, поскольку он является важной предпосылкой для формирования чувства общей идентичности и сопричастности к общей истории (Kolstø 2014: 3). Однако в случае косовских албанцев, как будет показано далее, эти стратегии основаны главным образом на возведении своей истории к древним иллирийским племенам и глорификации событий недавнего прошлого — вооруженных действий УЧК-АОК (Армии освобождения Косово) и вмешательства НАТО, приведших к провозглашению в одностороннем порядке независимости

² По результатам проекта «Strategies of symbolic nation-building in West Balkan states» (Kosovo 2011: 52, 56).

и дальнейшим перспективам евроатлантической интеграции (Kosovo 2011: 102). Иными словами, в культурном ландшафте городов Косово существует очевидный недостаток в мемориализации истории и культуры других этнических сообществ, живущих в Косово, и сложившаяся ситуация, как представляется, нарушает фундаментальный принцип, на котором, согласно официальной риторике Приштины, должна строиться косовская нация.

ГОРОДСКАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ: ЗАЧЕМ И ДЛЯ КОГО?

Один из наиболее эффективных способов воздействия на культурный ландшафт — смена и намеренное использование определенной топонимии: названий улиц, кварталов, деревень, городов и отдельных стран. Так, некоторые косовские и иностранные интеллектуалы используют в международном контексте албанский вариант написания страны «Kosova» (а не общепризнанное «Kosovo»). В случае послевоенного Косово политика смены топонимов была направлена на искоренение бытовавших ранее югославских (1945–1990) и сербских (1990–1999) сеток наименования пространственных констант и внедрение новой (албанской? косовской? европейской?).

В период с конца 1940-х до конца 1980-х годов Приштина была типичным югославским городом с соответствующей топонимией. Как и в любом городе СФРЮ, улицы и площади были названы в честь маршала Иосипа Броз Тито, Александра Ранковича, Югославской народной армии, Освобождения и т. д. Однако в 1990-х годах в результате меморандума Сербской академии наук и искусств (1986 г.) и речи Слободана Милошевича на Газиместане (1989 г.) города Косово (и Метохии) попрощались с социалистическим прошлым и приобрели новое лицо: улицы, площади и школы были названы в честь сербских правителей (царя Душана, короля Милутина и князя Лазаря), дипломатов и писателей Б. Нушича и М. Ракича, поэтессы Д. Максимович и многих других сербских ученых, врачей и художников. Кроме того, в 1995–1997 гг. на территории Университета Приштины были установлены памятники лингвисту и философу Доситею Обрадовичу, отцу сербского литературного языка Вуку Караджичу, черногорскому князю-епископу и поэту Петру II Петровичу Негошу.

Эта форма культурного давления не могла не вызвать праведный гнев со стороны численно превосходящего албанского сообщества, и сразу после окончания военных действий, в 1999 г., когда Косово было передано под временную администрацию ООН, был предложен новый проект городских топонимов. Новую сетку топонимов муниципалитет Приштины представил 2 ноября 1999 г., после чего она была опубликована информационным агентством Kosovapress (4.11.1999) для открытого обсуждения. Даже классикам сербской культуры в виде статуй (появившихся в период с 1989 по 1999 г.) не удалось сохранить место на территории университетского кампуса — их заменили на памятники философу Фехми Агани, который стоял у истоков идеологии независимости Косово в 1960-х годах и был убит в 1999 г. при загадочных обстоятельствах, и Хасану Приштине — албанскому политику XIX–XX вв., также боровшемуся за права албанского населения в Османской империи, а затем в Королевстве Югославия.

В результате этих и подобных действий у столицы Косово появился новый набор памятников — вдохновленный албанской историей и культурой, с явным акцентом на борьбу за независимость Косово на протяжении всего XX в. По тому же принципу выбирались названия улиц и площадей. Здесь можно выделить несколько групп: во-первых, политические и военные активисты (Хасан Приштина, Иса Болетини, Байрам Цурри, Азем Бейта и т.д.), которые боролись в течение 1920–1930-х годов против югославского режима с требованием социальных, экономических, политических и образовательных прав для косовских албанцев. Кроме этого, ряд улиц названы в честь людей, сражавшихся по разную линию фронта во время Второй мировой войны: партизан Эмин Дураку, сотрудничавшие с оккупационным режимом Джафер Дева и Реджеп Митровица, а также один из лидеров вооруженной организации «Балли Комбетар» (Национальный фронт) Мидхат Фрашери.

Помимо этнических албанцев, улицы Приштины названы в честь иностранных ученых из области албанистики: Густава Мейера, Хенрика Барича, Хольгера Педерсена, Йохана фон Хана, Милана Шуффляя, Норберта Йокля, мисс Эдит Дарем и людей, которые так или иначе связаны с албанскими землями или внесли свой вклад в развитие этих территорий: Юстиниана I (византийский император, родился в Дардании), Эдварда Лира (английский художник, работал в Албании), лорда Байрона (был гостем Али-паши Тепеленского), Иоанна Кукузелиса (средневековый византийский композитор), Иеронима де Рады (писатель с албанскими корнями).

Довольно неожиданно Приштина нашла место для дюжины знаменитостей периода СФРЮ и Королевства Югославия, в честь которых также названы улицы: Косты Новаковича (югославского журналиста), Лазаря Вучковича (сербского поэта из Косово), Милана Будимира (сербского ученого), Николы Тесла (всемирно известного физика), Радована Зоговича (черногорского поэта), Стевана Мокраянца (сербского композитора), Светозара Марковича (сербского философа), — а также для мировых классиков: Александра Македонского, Петра Чайковского, Иоганна Гете, Уильяма Шекспира, Виктора Гюго. И, конечно, нельзя не упомянуть дань уважения современным политикам и дипломатам США и Великобритании: улицы и проспекты Приштины и ряда других городов названы в честь Тони Блэра, Билла Клинтона, Джорджа Буша и Ричарда Холбрука.

Однако самое любопытное заключается в том, что в Приштине (вообще говоря, по всему Косово, а также в Албании) никто не знает официальных названий улиц, и люди привыкли ориентироваться по другим пространственным доминантам — мечетям, мясным лавкам, мельницам, пекарням, отелям, ресторанам и т.д. Этот феномен городской повседневности блестяще показан в документальном фильме «Голубая стена, красная дверь» (2009) косовских художников Альбана Муйи и Юлла Читаку. Иными словами, эти многочисленные изменения названий улиц (по крайней мере три раза за вторую половину XX в.) не имели ни малейшего значения для рядовых горожан, относясь лишь к сфере политики.

(СУПЕР)ГЕРОИ НАЦИИ: ДАРДАНСКАЯ БОГИНЯ, СКАНДЕРБЕГ И МАТЬ ТЕРЕЗА

Одна из самых известных и широко дискутируемых археологических находок на территории Косово — небольшая терракотовая фигурка неолитической культуры Винча, которую в настоящее время называют «Богиней на троне» (алб. *Hujnesha në fron*). Этот антропоморфный объект нельзя назвать уникальным, но тот факт, что он был найден недалеко от Приштины, сделал фигурку популярным персонажем в контексте национального и исторического мифогенеза косовских албанцев. Изображение богини или по крайней мере ее силуэт можно найти на эскизах, поданных на конкурс государственного флага Косово, она фигурирует на гербе муниципалитета Приштины и является символом ежегодного Международного семинара по албанскому языку, литературе и культуре. Кроме этого, богиня служит неиссякаемым источником вдохновения для художников и ювелиров, работающих в технике филиграни, а также производителей сувенирной продукции. Естественно, богиня смотрит на нас со страниц путеводителей, изданных как в Косово, так и за рубежом. Любопытно, что в путеводителе «Косово» (1978) эта фигура называется просто «Сидящая статуя» (алб. *Shtatorja e ulur*). Нет сомнений в том, что такое активное тиражирование образа неолитической фигурки служит идее иллирийско-албанского континуитета (т. е. албанской автохтонности на территории Косово и непосредственного происхождения албанцев от иллирийских, в частности дарданских, племен). Эта теория широко используется косовскими политиками и интеллектуалами в дискуссии об исторических правах албанского населения на территорию Косово. Иллирийская теория происхождения албанцев чрезвычайно популярна и полностью поддерживается всеми албанцами независимо от места их проживания, поскольку активно транслируется посредством образования, науки и культуры. В контексте поддержания иллирийской теории этногенеза албанцев некоторые улицы в Приштине получили свои имена в честь иллирийских правителей (короля Бардюля, короля Генца, короля Лонгара, королевы Теуты), о которых историкам

известно крайне мало. Кроме того, с конца 1990-х годов первый президент Косово Ибрагим Ругова пытался включить термин «Дардания» в официальное название государства Косово и использовать созданный им «флаг Дардании» в качестве государственного символа.

Рассматривая историю албанской нации, мы не должны забывать албанского супергероя Георга Кастриота Скандербега (1405–1468), который в наши дни является эталоном смелости и бесстрашия перед любым захватчиком албанского народа. Памятники в честь героя были установлены по всей Албании (наиболее выдающиеся из них находятся в г. Тирана, Круя, Лежа), а также в других балканских городах с албанским населением (Скопье, Дебар) и даже в Риме и Брюсселе.

В Приштине памятник Скандербегу появился в 2001 г. на самой оживленной и многолюдной пешеходной улице — бульваре Матери Терезы (бывшем бульваре Маршала Тито, она же улица Видовданска)³. В настоящее время образ Матери Терезы (католической монашки албанского происхождения) окончательно занял свое почетное место в национальной албанской идее единства всех албанцев независимо от места рождения, религиозной принадлежности и социального статуса. Памятник Матери Терезе был установлен на одноименном бульваре, однако любопытно, что на том же месте раньше находилась статуя Косовской девушки (установленной до 1959 г.)⁴. В Республике Косово, которая шаг за шагом движется в сторону Запада и по крайней мере в официальном дискурсе охотно приветствует европейские ценности и политический плюрализм, образ Матери Терезы соотносится с идеей трансформации политического строя Косово в конце XX — начале XXI в., который, как ожидается, должен привести страну к цивилизованному и демократическому будущему. Одним из наиболее ярких и обсуждаемых символов новой эпохи в истории Косово является скандально известный католический собор «Мать Тереза» в Приштине, поражающий всех своей необоснованной величиной (Краја 2011: 234–237).

Похоже, что включение христианства, особенно его римско-католической ветви, в ландшафт городов Косово нужно рассматривать в качестве попытки сформировать «более европейскую» политическую, культурную и социальную идентичность страны (Obućina 2011: 37–38). Так, несколько лет назад активно муссировалась информация о том, что якобы первый президент И. Ругова перед самой смертью крестился в католической церкви.

ПУТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ: ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ

Процессы современного албанского мифогенеза в Косово опираются не только на идею иллирийского прошлого и паналбанскую национальную идею, но и на недавнюю историю 1990–2000-х годов, в которые проходила активная фаза борьбы за независимость и ее кульминация в 2008 г. в виде одностороннего провозглашения суверенитета Республики Косово, поддержанного западными союзниками. Памятуя о том, что любая национальная идея должна включать в себя пантеон новых героев (и, как правило, совершенно однозначно воображаемых врагов), можно наблюдать, как в Косово эта тенденция находит свое воплощение в прославлении бойцов УЧК-АОК посредством включения их в официальную историографию и популярную культуру. Кроме этого, в честь полевых командиров и погибших бойцов УЧК-АОК называют улицы, им устанавливают памятники, а их могилы становятся местом политического паломничества.

Самым известным и почитаемым местом такого рода является мемориал «Адем Яшари» в селе Преказ (Schwandner-Siever, Di Lellio 2007; Obućina 2011: 36–38). Этот мемориал состоит из полуразрушенного дома семьи Яшари и 58 могил косовских албанцев, которые под командованием

³ В честь дня Св. Вита (серб. *Видовдан*, 15 (28) июня). Согласно историографии, в этот день в 1389 г. состоялась битва на Косовом поле.

⁴ Косовская девушка (серб. *Косовска Девојка*) — центральная фигура поэмы с одноименным названием, часть Косовского цикла в сербской эпической поэзии. Считается, что судьба Косовской девушки, возлюбленный которой пал на Косовом поле, символизирует судьбу Сербии и ее страдания после проигранной битвы.

полевого командира Адема Яшари оказали сопротивление войскам югославской полиции и Специального антитеррористического подразделения и были уничтожены 5–7 марта 1998 г. В современном албанском политическом дискурсе мемориал А. Яшари — один из главных символов независимости Косово (Krasniqi 2014: 153). Наряду с мемориалом в с. Преказ, памятники «легендарному командиру», как называют Адема Яшари косовские албанцы, появляются по всему Косово, а также в Албании и Македонии. Международный аэропорт Приштины (ранее «Слатина») был переименован в его честь. Помимо Яшари, Приштина (равно как и вся страна) буквально наполнена памятью о погибших бойцах УЧК-АОК. Вот только пара примеров. Одно из самых популярных ориентиров для встреч в Приштине называется *Te Pajaziti*, т. е. рядом с памятником Захиру Паязити, который расположен на бульваре Матери Терезы напротив «Гранд Отеля Приштина». Одна из главных улиц столицы носит имя Агима Рамадани (прежние названия — ул. Царя Душана в 1990-х годах и ул. Рамиза Садику до этого). В южной части Митровицы на центральной площади установлен памятник Мехе Ука, и подобные примеры можно продолжать бесконечно (Halimi-Statovci 2008: 171–187; Di Lellio 2013). В июне 2015 г. была открыта монументальная композиция «Героини», посвященная вкладу косовских албанок в борьбу за независимость.

Однако методы борьбы за независимость «с калашниковым в руках» не находили поддержки среди косовской интеллигенции, которая выступала за мирное сопротивление и бескровные процессы получения свободы и политического суверенитета Косово. Первый президент Косово Ибрагим Ругова стал бессменным лидером этого политического и идеологического крыла (Stroehle 2006). Даже сейчас, спустя 12 лет после провозглашения независимости Косово от Сербии, это политическое разделение остается заметным. Так, в кабинетах Университета Приштины и Академии наук и искусств висят в основном портреты столичного профессора И. Руговы, а не сельского жителя А. Яшари. Но все же признание Ибрагима Руговы в качестве героя нации нашло свое отражение и в культурном ландшафте Приштины. Бульвар Матери Терезы, являющийся средоточием общественной жизни, располагает не только памятниками Скандербегу, Захиру Паязити и самой Матери Терезе, но и огромным баннером с фотографией первого президента в начале пешеходной зоны и памятником ему, установленным осенью 2013 г., в конце променада.

Анализируя нынешнюю политическую ориентацию Косово, легко понять, что в наши дни демократическая и мирная модель борьбы за свободу, пропагандировавшаяся И. Руговой, гораздо более привлекательна для формирования образа Косово как внутри страны, так и за ее пределами, чем память о кампании УЧК-АОК, которая ассоциируется в сознании местной интеллигенции с сельским и часто необразованным классом людей.

Еще один герой молодой косовской нации — 42-й президент США Билл Клинтон, фотопортрет которого смотрит с огромного баннера на бульвар, названный его же именем. До 1990-х годов бульвар носил имя Владимира Ленина, а после — имя короля Сербии Петра I Карагеоргиевича (известного также как Петр Освободитель). Напрашивается определенная семантическая корреляция между двумя последними именами, поскольку косовские албанцы почитают Билла Клинтона в качестве одного из своих освободителей. Прямо под баннером установлен трехметровый памятник Клинтону (открыт в 2009 г. в присутствии самого виновника торжества), а финансированием проекта занималась НКО «US Friends in Kosovo». Без сомнения, господин Клинтон — самый желанный иностранный политик в Косово. Так, каждый год 19 августа центр Приштины наполняется плакатами и баннерами, поздравляющими Билла с очередным днем рождения.

Однако в современной исторической мифологии косовских албанцев роль жертвы также очевидна. Нарративы о том, что албанцы страдали на протяжении собственной истории (особенно в югославский период и при режиме Милошевича), можно найти в официальных исторических источниках и услышать от обычных людей на улице. Наиболее ярко выраженная пространственная объективация статуса жертвы, имеющей право на выражение боли и скорби, заняла свое место в Приштине вскоре после окончания войны. Десятки портретов косовских албанцев, пропавших без вести в течение 1996–1999 гг. во время операции югославских сил и вооруженной интервенции

НАТО, были размещены на ограде Парламента Республики Косово родственниками пропавших. На протяжении почти пятнадцати лет эта галерея стала настоящей достопримечательностью для приезжающих туристов и местом памяти для косовских албанцев. Однако в августе 2013 г. все фотографии были удалены, и 30 августа (Международный день пропавших без вести) рядом с Парламентом был установлен большой электронный экран, на котором, по задумке авторов, должны показываться фотографии пропавших без вести. На март 2020 г. это технически оснащенное средство коммеморации не функционирует, а обычные изображения мало-помалу вновь появляются на ограде. Аналогичный проект, направленный на коммеморацию пропавших без вести и похищенных людей, был реализован в городе Грачаница, в основном населенном косовскими сербами, в мае 2014 г.: двухметровая композиция, образующая слово «MISSING», была покрыта фотопортретами сербов, пропавших без вести во время войны. По словам организаторов, проект задумывался в качестве мобильного с возможностью экспонирования по всей Европе.

БРАТСТВО И ЕДИНСТВО: ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ!

Один из самых болезненных вопросов для тех, кто несет ответственность за образ нового Косово, касается проблемы сохранения югославского монументального наследия. Постепенно эта тема всплывает на повестках официальных заседаний и воркшопов различных НКО: архитекторы и чиновники обсуждают будущее югославских памятников, исходя из того, какие подходы к интерпретации памяти о прошлом могут быть предложены общественности⁵.

Основная идея югославской социальной политики выражалась популярным лозунгом «Братство и единство». Монумент с одноименным названием до сих пор располагается в центре Приштины (построен в 1961 г., арх. Б. Йованович). Однако бывшее братство и единство двух героев — Боро и Рамиза — было нарушено. Боро Вукмирович и Рамиз Садику были необычайно популярны в югославский период: два товарища-партизана, черногорец и албанец, попали в плен и были расстреляны в 1943 г., а в 1945 г. им посмертно были присвоены звания народных героев Югославии. В югославском Косово их общее дело и гибель символизировали единство всех народов и народностей Югославии и общее стремление к коммунистическому будущему. Памятник героям был установлен в городском парке Приштины в 1961 г., однако в 1999 г. бюст Боро исчез. Полевые наблюдения показывают, что в наши дни памятник, заброшенный и расписанный граффити, используется в качестве места «тусовок» местной молодежи. Еще одним памятником югославской эпохи является огромный молодежный спортивно-развлекательный центр «Боро и Рамиз», построенный в Приштине в 1978 г. (арх. Ж. Янкович). После 1999 г. это здание было переименовано в «Дворец молодежи, культуры и спорта», но подавляющее большинство горожан по-прежнему сохраняют в своем повседневном использовании первоначальное название, используя его в качестве городского ориентира.

Мемориал «Кладбище павших героев» (алб. *Varrezat e Dëshmorëve*, серб. *Спомен гробље палим борцима*), расположенный в Приштине, играет еще одну важную роль в процессе пространственного формирования коллективной исторической памяти. Монументальная композиция из металла и бетона была создана архитектором С. Личиной в 1960–1961 гг. и служила местом почетного захоронения для 58 югославских солдат и партизан, погибших во Второй мировой войне. В последние годы, однако, этот потрепанный временем памятник прошлой эпохи не привлекает внимания местных и иностранных туристов — центром притяжения стала могила Ибрагима Руговы, располагающаяся в 30 метрах от югославского монумента. Более того, на том же мемориальном кладбище захоронены и некоторые бойцы УЧК-АОК, а также политический представитель АОК Адем Демачи (1936–2018). Таким образом, мемориал «Кладбище павших героев» стал топографическим палимпсестом с глубоким смысловым антагонизмом (Stroehle 2006).

⁵ См.: (Sahatçiu 2013).

Профессионалы в области архитектуры и пространственного планирования утверждают, что одной из основных характеристик современной Приштины является то, что «город шаг за шагом устраняет собственное прошлое как физически, так и психологически» (Нохха 2013: 127).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За двадцать лет города Косово освободились почти от всех узлов памяти, связывавших их с социалистическим югославским прошлым и этнократическим режимом Слободана Милошевича. Вместо них косовские албанцы реализуют в пространстве городов удобные и понятные им коммеморативные стратегии: называют улицы и открывают памятники Скандербегу, Матери Терезе, Ибрагиму Ругове, Адему Яшари, Биллу Клинтону и т. д. Этот процесс можно рассматривать в качестве символического акта освобождения как от югославской, так и от сербской истории и памяти в пользу создаваемой в настоящее время истории Косово с сильной ориентацией на запад. Конструируемая память является неотъемлемым компонентом официальной культуры в Косово и эффективным инструментом легитимации существующего социального и морального порядка, закодированного в официальной историографии и школьных учебниках истории (Krasniqi 2014: 152–154). Общая история, в свою очередь, порождает чувство сопричастности и укрепляет нацию вокруг ее политической элиты, особенно если эта история связана с живыми эмоциями отдельных людей (в случае косовских албанцев эта память связана с войной 1990-х годов и борьбой за независимость) (Obućina 2011: 34).

Как блестяще показывает М. Азарьяху на примере немецких и австрийских городов, история и репрезентация прошлого, будучи сконструированными явлениями, передаются в реальном пространстве действующими акторами — представителями политической и интеллектуальной элиты, которые выбирают героев и их противников (Azaryahu 1990: 32–34).

После краткого анализа можно перечислить список наблюдаемых тенденций, которые служат основой современной национально-ориентированной повестки дня в Косово и однозначно считаются в создаваемом культурном ландшафте:

- отставание теории иллиро-албанского континуитета, ключевым моментом является позиционирование косовских албанцев как прямых наследников дарданцев;
- постулирование единства албанской нации, невзирая на недавнее политическое прошлое албанцев Югославии и Албании;
- мемориализация событий 1990–2000-х годов и героизация лиц, вовлеченных в борьбу за независимость;
- утверждение новой нации, живущей в демократическом и свободном от этнической и профессиональной дискриминации государстве, а также интеграция в западный культурный контекст;
- создание нового пространства нации с оригинальным набором констант и доминант (к такому относится топонимия, монументы, музеи и библиотеки, кладбища и пр.).

Частично признанная Республика Косово является де-юре полиэтничным государством, состоящим из албанских и других этнических общин, и таким образом оно позиционируется в мире (Kosovo 2011: 87). Следовательно, пантеон национальных героев должен отражать это положение дел, в то время как в сегодняшнем Косово, как мы видим, главные герои нации — этнические албанцы и их международные союзники, так что существующий пантеон наполнен либо паналбанской национальной идеей, либо памятью о борьбе за независимость Косово от Сербии. Однако такая стратегия символического нациестроительства глубоко противоречит заявленному стремлению построить общее государство и национальную самобытность среди всех этнических сообществ Косово (которое включает по крайней мере этнические общины, символически представленные шестью белыми звездами на официальном флаге).

Если правительство Косово ставит перед собой цель строительства по-настоящему демократического и полиэтничного общества, в котором будут соблюдаться и уважаться отраженные

в конституции права всех граждан, нынешние стратегии мемориализации нельзя назвать адекватными — они должны либо исключить все ссылки на албанскую национальную идею (как это было в случае создания государственных символов) или добавить в этот спектр аллюзии на историю и культуру других этнических общин, проживающих в Косово, для создания необходимого чувства сопричастности среди всех существующих сообществ (Kolstø 2014: 6). Принимая во внимание непростую историю Косово, в настоящее время представляется невозможным установить, например, памятник князю Лазарю или Милошу Обиличу, который бы стоял бок о бок со статуей Скандербега, хотя эти герои разных наций пали в борьбе против одного и того же противника — турок-османов.

Очевидно, что символы (среди которых могут быть и исторические личности) могут одновременно служить идеальным инструментом как для социальной интеграции, так и для разделения (Kolstø 2014: 10): косовские сербы формируют свою историю и культурную память, и эти процессы протекают параллельно с текущими тенденциями в стране. В июне 2014 года в г. Грачаница был установлен памятник Милошу Обиличу. Разрушенный в городе Обилич в 1999 г., все эти годы он хранился в православном монастыре Грачаница. В церемонии открытия памятника приняли участие десятки местных жителей под охраной полиции Косово. Другой пример — памятник русскому консулу Григорию Степановичу Щербине (1868–1903) в г. Косовска-Митровица. Щербина был убит от руки албанца в 1903 г., а в 1928 г. памятник консулу был открыт в южной части города, но в 1999 г. он также был разрушен. Монумент был восстановлен в 2007 г. в сербской (северной) части города рядом с гигантским памятником князю Лазарю. Другой русский консул Иван Ястребов (1839–1894) был удостоен памятника в Призрене в 1996 г., который также не пережил войну и был снесен в 1999 г.

Невзирая на трагические события недавнего прошлого, в настоящее время уровень ностальгии по югославскому периоду среди косовских сербов и албанцев довольно высок: мои собеседники часто вспоминают времена, когда сербы и албанцы жили, учились и работали вместе⁶, помогали друг другу ремонтировать дома и автомобили, болели за одни и те же футбольные клубы (будь то ФК Приштина или Црвена Звезда), слушали югославских рок-звезд. Общая память о многовековых⁷ добрососедских отношениях должна транслироваться посредством культуры и образования и сопровождаться реставрацией всех (в том числе югославских) памятников. На первый взгляд эта идея кажется нереализуемой и даже утопической (особенно если углубиться в историю XX в.), но, как говорится, нет ничего невозможного, особенно когда люди устали от войны, ненависти, экономического кризиса и социальной нестабильности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Златановић С.* Дискурзивно обликовање „других“: српска заједница југоисточног Косова у послератном контексту // Гласник Етнографског института САНУ. 2011. № LIX (2). С. 77–87.
- Azaryahu M.* Renaming the Past: Changes in “City Text” in Germany and Austria, 1945–1947 // History and Memory. 1990. Vol. 2, № 2. P. 32–53.
- Čolović I.* The Balkans: The Terror of Culture. Essays in Political Anthropology. Baden-Baden, 2011.
- Di Lellio A., Schwandner-Sievers S.* The Legendary Commander: the construction of an Albanian master-narrative in post-war Kosovo // Nations and Nationalism. 2006. № 12. Issue 3. P. 513–529.
- Di Lellio A.* Kompleksiteti i përkujtimoreve të luftës në Kosovë // Kosovo 2.0: Napësira publike. 2013. № 5. F. 79–82.

⁶ Традиция добрососедских отношений была особенно заметна среди старожилов Косово. Мои собеседники, как сербы, так и албанцы, постоянно утверждают, что самым сложным было выстраивать отношения с приезжими (независимо от этнической принадлежности), будь то сербские и черногорские колонисты в 1920–1930-е годы или люди, приехавшие из сельской местности в города. См. также: (Златановић 2011).

⁷ На протяжении веков мусульманские и католические албанские семьи охраняли наиболее важные сербские православные монастыри, такие как Печская патриархия, Высокие Дечаны, Девич и др.

- Halimi-Statovci D.* Ergologjia e monumenteve përkushtuese // Gjurmime albanologjike. Folklor dhe etnologji. 2008. № 38. F. 171–194.
- Hoxha E.* Qyteti dhe dashuria (ditar urban). Prishtinë, 2013.
- Ingimundarson V.* The Politics of Memory and the Reconstruction of Albanian National Identity in Postwar Kosovo // History and Memory. 2007. № 19 (1). P. 95–123.
- Kolstø P.* Introduction // Strategies of Symbolic Nation-building in South Eastern Europe. London, 2014. P. 1–19.
- Kosovo. IPSOS Strateging Marketing report. 2011.
- Kraja M.* Identiteti kosovar. Prishtinë, 2011.
- Krasniqi V.* Kosovo: Topography of the Construction of the Nation // Strategies of Symbolic Nation-building in South Eastern Europe. London, 2014. P. 139–164.
- Obučina V.* A War of Myths: Creation of the Founding Myth of Kosovo Albanians // Suvremene Teme / Contemporary Issues. 2011. Vol. 4, № 1. S. 30–44.
- Sahatçiu V.* Mbi monumentet e ish-Jugosllavisë dhe interpretimin e së kaluarës // Kosovo 2.0: Hapësira publike. 2013. № 5. F. 76–78.
- Schwandner-Sievers S., Di Lellio A.* Udhëtimi i shenjtë drejt kombit: ndërtimi i një faltoreje në Kosovën e pasluftës // Përpyjekja. 2007. № 24. F. 32–54.
- Stroehle I.* Pristina's Martyrs' Cemetery. Conflicting Commemorations // Südosteuropa. 2006. № 54. P. 404–425.

SYMBOLIC NATION-BUILDING AND CULTURAL LANDSCAPE OF KOSOVO CITIES AT THE TURN OF THE TWENTY FIRST CENTURY

ABSTRACT. The paper discusses current strategies in the transformation of cultural landscape in postwar Kosovo. I regard cultural landscape, i. e. a piece of Earth's surface deliberately shaped by man, as an extension of the so-called socially constructed reality (P. Berger & Th. Luckmann). In some cases, this symbolization is a strategic part of a nation-building project or just a way to declare one's own presence, identity or affiliation. The creation of new heroes is one of the initial steps within the strategies of a nation-building process, as it forms an essential prerequisite for the feeling of common and shared history. The article analyzes the scope of personalities symbolically welcomed in Kosovo. The Republic of Kosovo is de jure a multi-ethnic society consisting of Albanian and other communities, and this is the way it is commonly perceived. However, the current strategies of symbolic nation-building appear to deeply contradict with the declared aspiration to build a common state and national identity among the peoples living in Kosovo. Therefore, my aim is to look into the strategies of memorialization in postwar Kosovo, focusing on this balancing between civic (as desired) and ethnic (as realized de facto) models of nation-building.

KEYWORDS: Balkans, Kosovo, Pristina, symbolic nation-building, commemoration strategies, urban space, cultural landscape, ethnic communities

DENIS S. ERMOLIN — Cand. Sc. (in History), Academic Secretary Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg).
E-mail: denis.ermolin@gmail.com